

МИФОПОЭТИКА ОБРАЗА КРЫЛАТОЙ ДУШИ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Осмысляется актуальная литературоведческая проблема, связанная с раскрытием мифопоэтических и метафизических истоков русской романтической поэзии. На материале широкого эстетического контекста русской поэзии первой половины XIX в. рассматривается освоение русскими романтиками фольклорных и христианских представлений о крылатой душе; анализируется этико-эстетическое и религиозное содержание образов жаворонка, лебедя, ласточки и орла, раскрывающих онтологические и гносеологические характеристики бессмертной души.

Современное отечественное литературоведение стремится осмыслить мифопоэтические и метафизические истоки магистральных образов и мотивов русской романтической поэзии, отражающих архаические индоевропейские представления о мировых стихиях, природе, человеческой душе [1]. Актуальным для современной науки является изучение и феномена индивидуального романтического мифотворчества. Русский романтизм по природе своей полифоничен, ценностно осмысляя различные мифологические, религиозные, философские и эстетические традиции. Данная полифония художественных контекстов приобретает характер целостности, отражающей национальную картину мира.

Одним из ключевых мифопоэтических образов в русской романтической культуре выступал образ бессмертной души. Русские романтики разграничивали дух, душу и сердце, но в то же время исповедовали идеал единства имманентного и трансцендентного, конечного и бесконечного миров. В работах В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846), «О поэте и современном его значении» (1848) раскрывается комплекс христианских воззрений на духовную субстанцию и ее ключевые онтологические, гносеологические характеристики: *ум, волю, веру и творчество*. Жуковский раскрывает сущностное отличие христианской культуры и ее скорби, утверждающей веру в бессмертие индивидуальной души, от античной меланхолии, для которой «все заключалось в земных радостях и все с ними исчезало» [2. С. 192]. Метафизика бессмертной души в творчестве Жуковского, по мысли Ф.З. Кануновой, позволяла увидеть «в жизненном пути человека не “мнимый лоскуток”, а важную часть целого, универсума» [3. С. 165]. Данный вывод справедлив и в отношении других русских романтиков. Метафизика и мифопоэтика бессмертной души в русском романтизме корреспондирует к архаическим фольклорным представлениям и к христианской метафизике.

Магистральным в русской романтической поэзии выступало библейское понимание души как благодатного, божественного дара жизни: «И вдохнул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7). Душа воспринималась русскими романтиками как средоточие жизни, божественной творческой силы, поэтому ведущим художественным определением души в русской романтической поэзии выступал эпитет «живая»: «Душа живая, он, необоримо...» (Ф.И. Тютчев «Памяти Е.П. Ковалевского», 1868). Эпитет «живой» в русском романтизме определял все проявления духовной субстанции.

В поэтических произведениях русских романтиков отразились индоевропейские архаические представления о крылатой душе [4. С. 352–358]. Крылатые боги и

сверхъестественные силы представлены в различных мифологических и религиозных традициях. В христианской культуре крылья – атрибут ангелов, архангелов, херувимов и серафимов. Крылатым в христианской религиозной живописи изображается и Святой Дух. Метафорическая соотнесенность с крыльями характеризовала романтические представления не только об ангелах, демонах, благодатном гении, но и о психологических качествах души, субстанциональных духовных ценностях (вере, надежде, вдохновении):

Носись душой превыше праха,
И ликом ангельским внемли.

«Землетрясение» [5. С. 339].

Посредством данной образной детали русские романтики метафорически раскрыли имманентное стремление души к абсолютному совершенству, полноте бытия, ее молитвенное горение и отстранение от времени. Физическая смерть русскими романтиками воспринималась как полет-освобождение:

Прильнут к раменам тебе крылья,
Взлетишь к небесам без усилия.

«Счастливицы вольные птицы...» [6. С. 325].

В данной песне Кюхельбекера раскрыт этический идеал свободы, духовной полноты и отстранения бессмертной души от человеческого мира, лежащего во зле. Драматический вопрос-рефрен сближает песню с лирикой М.Ю. Лермонтова, где образ птицы также знаменует волю, гармоничное слияние с природным универсумом.

Мифопоэтическое представление о бессмертной душе конкретизировалось в русской романтической поэзии в метафорическом сближении души и птицы. Частотной в русской романтической поэзии выступала образная оппозиция птицы, символизирующей естественность, свободу, близость горнему миру, раю, и человека, в ком царственный онтологический статус контрастирует с греховностью.

Элегия Е.А. Баратынского «Наслаждайтесь: все проходит!» (1844) нацеливает на целостное принятие земной жизни, в которой достигается равновесие между горем и радостью, метафорически соотнесенными с крыльями:

Боги праведные дали
Одинакие крыле.

[7. С. 163].

Данная этическая идея, с одной стороны, ограничивает эпикурейскую поэтизацию наслаждения, с другой стороны, смягчает силу скепсиса и отчаяния: «Не ропщите: все проходит...». Композиция текста основана на антитезе, которая разрешается в финале. Развитие лирической темы создает ощущение цикличности, проявляющейся в земной жизни.

Метафорическое сближение души и птицы в русской романтической поэзии оформляло метафизическую вертикаль, раскрывало благоговение души перед таинством творения мира, создавало поэтическое представление о природе как храме, в котором все живое славит Творца. Данная религиозная составляющая проявлена более всего в образе жаворонка, широко представленного в русской романтической поэзии. Так, в элегии Жуковского «Приход весны» (1831) лирический зачин при полном отсутствии глаголов передает возрождение природного мира. Пейзаж раскрывает откровение в природе субстанционального света, создает ощущение первозданности мира. Образ жаворонка выступает не столько традиционным знаком весны, но и вестником горного мира: «В небе жаворонка трепет...». Вопросы, подчеркивающие характерный для поэзии Жуковского тезис о невыразимости глубинных состояний души, очарования миром и жизнью, подводят к мысли о духовном преображении, воскресении человека: «Жизнь души, весны приход».

В элегии Баратынского «Весна, весна! Как воздух чист!» (1834) ямб в единстве с восклицательной интонацией задает всему тексту торжественно-оптимистический тон «здравного гимна», утверждающего радость от воскресения природного мира и души лирического субъекта. Глагольные формы создают акустическое и колористическое развитие лирической темы: «Шумят ручьи! Блещут ручьи!». Воскресение в природном мире по принципу контраста соотносено с элегическим образом рядом осенней листвы. Кульминационным образом, передающим славу всего земного весне, выступает образ жаворонка, который контекстуально вписан в сферу горного мира, субстанционального огня: «под солнцем», «в яркой вышине». И в элегии А. Дельвига «Жаворонок» (между 1814 и 1817) образ птицы также соотносится с метафизической зарей, возрождением макро-и микрокосма. В русской романтической поэзии образ жаворонка часто метафорически сближается с юным поэтом, не омраченным суетой и социумом (Баратынский «Здравствуй, отрок сладкогласный!», 1841).

Уже в русской поэзии XVIII в. образ лебедя метафорически изображал душу поэта, в связи с чем получил распространение мотив «лебединой песни» как формы поэтического завещания, откровения доминант поэтического мира художника, что мы видим, например, в послании Веневитинова «К Пушкину» (1826), в элегии Жуковского «Царкосельский лебедь» (1851). Метафорическое сближение поэта и лебедя представлено в различных романтических жанрах, включая эпиграммы, где поэтическое вдохновение противопоставляется рифмоплетству, что отражено, в частности, в «Эпиграмме» (1824) Баратынского: «На голос лебедя мяучит».

В элегии Тютчева «Лебедь» (конец 1820-х – начало 1830-х гг.), где духовная субстанция изображается в образе девственно «чистой» птицы, смысл традиционной метафоры метафизически углубляется. Онтологическое положение души в мироздании представлено как парение «между двойною бездною», до и после воплощения, до сотворения мира и после его разрушения. Метафорическое сближение души и лебедя раскрывает имманентное проявление в душе софийной, гармонизирующей

силы. Лебедь мифопоэтически сближается с херувимом («твой всезрящий сон»). Образ лебедя вписан в образный контекст «тверди звездной», утверждающей величие мироздания и его Творца.

Достаточно часто в русской романтической поэзии проявляется метафорическое сближение души и голубя, характерное для западноевропейской религиозной живописи и православной иконографии, поэтики древнерусской литературы. В христианстве голубь символизирует сошествие Духа Святого во время крещения Христа: «И Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь» (Лук. 3, 22). Метафорическое сближение души и голубя представлено, например, в произведении Тютчева «Памяти В.А. Жуковского» (1852), где внутренний мир поэта определен как «чисто голубиный». Образ голубя в данном «стихотворении на смерть» подчеркивает духовную чистоту, свет и целостность мироощущения поэта, вводит этический евангельский идеал, который утверждал в жизни и творчестве русский романтик: «Лишь сердцем чистые, те узрят бога!».

Характерным для русских романтиков было сближение души, человеческой жизни с ласточкой. Ласточка у индоевропейских народов возвещала благу весть о воскресении природы. У восточных славян бытовало поверие «о ласточках, появляющихся из воды», воскресающих с наступлением тепла [8. С. 119]. Метафорическое сближение жизни и ласточки («ластовицы») вошло в поэзию из русской народной песни еще в начале XVIII в. В русской поэзии XVIII–XIX вв. образ ласточки метафорически соотносился с весенним пробуждением природы, юностью и быстротечностью человеческой жизни, воспринимался как фольклорный, о чем свидетельствует «Русская песня» (1829) Дельвига.

Д.В. Веневитинов в аллегорической элегии «Крылья жизни» (начало 1820-х гг.) придал песенной тональности элегическую благородную грусть, метафизическую направленность, метафоричность, пластичность, лаконизм образных средств. Метафизическая тема человеческого бытия осмысливается в интонационно-ритмическом контексте грустного принятия жизни. Жизнь предстает как целостный процесс, имеющий внутреннюю диалектику. Человеческая юность радостно принимает жизнь, утверждая чувство полноты бытия, творческих сил. Данная форма мироощущения, которая может быть охарактеризована в качестве тезиса триады, диалектически сменяется антитезисом – периодом печали, жизненных испытаний. В философском диалоге Веневитинова «Анаксагор» (1825) данное представление о смысле человеческого бытия получает философское оформление: «Всякий человек рожден счастливым, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противоречиями мира» [9. С. 125].

На втором этапе земной жизни душа переживает драматический акт самореализации и самопознания. В образном ряде «печали туманной» проявляется ассоциативная связь со смертью, ибо печаль оплотняет мироощущение бессмертной души. Третий этап земной жизни выражает синтетическую форму мироощущения, «совершенное самопознание» и одновременное отстранение, освобождение от земного бытия:

Следы остались –
И отпечатались.

[9. С. 66].

Цветовой эпитет «бледный» вводит мотив смерти, которая принимается авторским сознанием как логическое завершение духовного самопознания через ограниченные, чувственные формы. В финале постулируется поэтическая мысль о том, что память о земном опыте сохраняется в трансцендентной сфере духовной субстанции. Если в начале аллегии жизнь определялась как «ветренная», то в финале она наполнена диалектикой индивидуального самопознания.

В русской романтической поэзии с метафизикой бессмертной души соотнесен и образ орла, который в индоевропейской мифологии воспринимался как «владыка небес», наделенный способностью возрождаться. В «Откровении Иоанна Богослова» одно из четырех апокалиптических животных «подобно орлу летящему» (Отк. 4, 8). В православной ораторской традиции символ орла раскрывает божественную мудрость, способность духа воспарить к горнему миру. Данная ораторская традиция восходит к православной гимнографии: «Насыщает благами желание твое, обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс. 102, 5). Орел, наряду с пеликаном, был одним из наиболее частотных аллегорических образов в масонской культуре, где он указывал на борьбу духа с проявлениями зла, духовной мертвенности. В русской поэзии XVIII в. образ орла, с одной стороны, выступал одним из свидетельств величия Божиего (М.В. Ломоносов «Ода, выбранная из Иова, гл. 38, 39, 40 и 41», между 1743 и нач. 1751), с другой стороны, аллегорически утверждал величие и бессмертие ратного подвига (Г.Р. Державин «Здравный орел», 1791–1801).

В поэзии Жуковского образ орла становится символом перехода из дольного мира в горный, а также раскрывает величие творенья и Творца: «Орла послышав грозный крик» («К Воейкову», 1814). В элегиях Языкова доминирует метафорическая связь образа орла и поэтического вдохновения («Поэт», 1825). Образ «ширококрылого орла», устремленного к Богу, в его лирике стилистически корреспондирует к библейской традиции («Подражание Псалму XIV», 1830). В поэзии С.П. Шевырева с «орлим оком» отождествляется бессмертная творческая мысль: «Послание к А.С. Пушкину» (1830); «На смерть поэта» (1841).

В лирике Баратынского поэт также метафорически соотносится с орлом: «Орлиные очи в покое...» («На смерть Гете», 1832). В данном «стихотворении на смерть» утверждается идея духовной универсальности, «всемирной отзывчивости» гения, способного в рамках земного «предела» постичь беспредельное. Духовное погружение в прошлое и будущее, в сферу мысли и вдохновения, сопричастность природным стихиям, целостное знание человека создают условия для духовной универсальности, соединения имманентного и трансцендентного в мирозерцании поэта. Творческий гений открыт миру, вступая с ним в диалог. Для лирики Баратынского характерно сближение воображения, вдохновения с благодатной силой озарения, противопоставленной духовной мертвенности, эгоцентризму и

демонизму. В образе творческого гения Баратынский утверждает свободное преодоление земной жизни. Естественная завершенность творческого служения снимает трагический ореол со смерти, которая предстает и как итог земной жизни, и как разлучение души и тела, и как возвращение бессмертной души в горный мир: «К предвечному легкой душой возлетит».

Символ орла в поэзии Тютчева, с одной стороны, соотнесен с земным величием Наполеона, с другой стороны, «крик орлиный» становится звуковым проявлением горнего мира: «Смотри, как роща зеленеет...» (1857). В лирике Тютчева орел сопричастен огненной стихии мироздания, о чем свидетельствует метафорическое сближение орла и молнии («молнии полет»).

В лирике славянофилов символ орла также выражает духовную свободу, воспарение к горней сфере, близость Богу:

Чтоб свет бессмертного огня
Принять на блещущие очи!

К. Аксаков «Орел и поэт» [10. С. 296].

Для А.С. Хомякова также приобрел значимость образ орла как знак бессмертия человеческой души и славы. В ранней лирике Хомякова («Желание», 1827) образ орла выражал стремление лирического субъекта слиться с мировыми стихиями:

Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.

[11. С. 72].

Пантеистический порыв не исключает сохранения личностной уникальности, силы лирического субъекта. Хомяков усложняет семантику образа орла, соотнося его с парусом, который в западноевропейской и русской литературе аллегорически указывал на духовные искания личности. Образ орла в произведениях Хомякова раскрывает ощущение творческого горения бессмертной души. С образом орла связан мотив воли, единства человека и природы.

В элегии Хомякова «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (1847) метафорическое сближение души и птицы проявляет архаическое представление о том, что бессмертная душа во время сна может разлучаться с телом:

Мне снилось – лечу я: орел сизокрылый
Давно и давно бы в полете отстал.

[11. С. 126].

Человеческая душа, преодолевая пространство и время, постигает закономерности истории с надмирной высоты, целостно созерцая земли западных славян.

Итак, метафизика бессмертной души как средоточия жизни, силы, богоподобного творчества в русской романтической поэзии раскрывается в богатом образном контексте, корреспондирующем к архаическим фольклорным представлениям, христианским воззрениям на душу и Бога. Метафорическое сближение бессмертной души с образами птиц (жаворонком, лебедем, ласточкой, орлом) в лирике русских романтиков помогает не только раскрыть антитезу дольного и горнего миров, оформить метафизическую вертикаль, но и отразить стремление человека к полноте бытия, к единству с природой, Творцом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ходанен Л.А.* Миф в творчестве русских романтиков. Томск, 2000.
2. *Жуковский В.А.* О меланхолии в жизни и в поэзии // В.А. Жуковский-критик / Сост., вступ. ст. и ком. Ю.М. Прозорова. М., 1985.
3. *Канунова Ф.З.* Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В.А. Жуковского (1830–1840) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 159–169.
4. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избр. ст. М., 1982.
5. *Языков Н.М.* Полн. собр. стих. М.; Л., 1964.
6. *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1.
7. *Баратынский Е.А.* Полн. собр. стих. Л., 1957.
8. *Агакина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
9. *Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза. М., 1980.
10. *Поэты кружка Н.В. Станкевича.* М.; Л., 1964.
11. *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы XIX века филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 15 ноября 2006 г.